

Рина Макошъ

ВДОВЕЦ

18+

Рина Макошь

Вдовец

«Автор»

2023

Макошь Р.

Вдовец / Р. Макошь — «Автор», 2023

Отец, одинокий вдовец сталкивается с невероятными вызовами в современном мире, где родительская роль часто отводится исключительно матерям. Вместе с двумя детьми – Максимом и Майей – он пытается жить семьей в системе, которая неподготовлена принять его как равноправного родителя. В их жизни присутствуют сложности, психические расстройства, наблюдение со стороны опеки и предательство самых родных людей. В новой книге автор поднимает актуальные вопросы справедливости, родительской ответственности и преодоления жизненных преград. Проникновенная и эмоциональная история о силе любви к детям. Отец-одиночка, Игорь, сталкивается с внутренними и внешними проблемами, вынужден бороться с системой, чтобы обеспечить своим детям лучшую жизнь. Глубоко эмоциональная книга обещает оставить глубокий след на сердцах читателей и поставить их перед вопросами о том, что на самом деле быть родителем и как преодолеть трудности, когда семья находится под постоянным наблюдением опеки.

© Макошь Р., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Рина Макошь

Вдовец

Глава 1

Топор без усталости крушил новенькую, с любовью и тщательностью собранную три дня назад мебель в детской комнате. Вены на руках напряглись, глаза одичало бегали от одного предмета мебели к другому, пока не осталось ничего целого. Комната превратилась в груды мусора: синтепон из истерзанных подушечек-бортиков валялся клубками, острыми клиньями торчали прутья из перевернутой кровати, комод стал кучей изрубленной березовой древесины. Больше не было в комнате ни шкафа, ни кресла-качалки для кормления, ни пуфика для ног, ни кровати, ни пеленального столика. Нетронутыми остались только тряпки: пеленки, ползунки и прочая трикотажная необходимость в жизни семьи с новорожденным. Комната была превращена в беспорядочный хаос, оставляющий только надежду на то, что хоть что-то из мебели можно будет восстановить.

Но семьи больше не было. Ярость, которую Игорь выплеснул на ни в чем не повинную очаровательную мебель, так же внезапно иссякла, как и появилась. Как выбросы пепла – лишь предвестник извержения, так и ярость была лишь прелюдией к гораздо более серьезному чувству, справиться с которым под силу не каждому. Глаза у мужчины, который всего несколько часов назад считал себя самым счастливым, померкли, руки устало опустили топор, так и не дав ему разрубить последнюю перекладину в кровати. Белый и розовый цвета в детской комнате исчезли, весь мир для него окрасил серый цвет.

От отсутствия слез становилось только хуже. Находиться в квартире было невозможно, поэтому очень скоро мужчина всунул не по росту большие ступни в кроссовки, натянул дождевик и вышел на лестничную площадку. Когда двери лифта разъехались, Игорь почувствовал, что его рука все еще сжимает топор. Он оставил его тут же, у дверей лифта на своем этаже.

На улице шел проливной, холодный, ноябрьский дождь. Маленькие серые капли сливались в сплошную водяную пелену.

Куда идти в таком состоянии? К кому обратиться? Еще вчера он переписывался с женой, еще позавчера поцеловал на прощание у входа в отделение, еще три дня назад прижимал к себе в постели ее так быстро увеличившееся, но все еще горячо любимое и желанное тело. Его любовь к ней всегда была абсолютной и безусловной. Ее любовь к нему была настолько концентрированной, что, казалось, воздух между ними можно было разливать по флаконам и раздавать желающим, никогда не знавшим аромата любви. Лишить его любимой женщины и взамен оставить маленькую картофелину с функцией выкачивания сил и денег – это подло и совершенно бесчестно. Он одергивал себя: оставался еще старший сын, не только вопящая картошка ему досталась в наследство от жены, и об этом надо помнить, чтобы не сойти с ума.

Серый проспект уныло умывался холодной водой. Сложно было поверить, что эта часть Москвы когда-то снова оживет, зазеленеет и зацветет. Широкий тротуар сворачивал в темные скверы и снова выныривал к дороге. Игорь шел по тому же пути, каким ходил с женой много лет назад, в их студенческие годы, во время романтических конфет и букетов. Он не замечал, что выбирает тот же сквер, тот же поворот, где они скрывались, сбегая с пар в универе, и, смеясь, словно преступники, целовались за деревом. Но теперь здесь не было влюбленных пар, даже одиноких собаководов не было. В такую погоду все нормальные люди дома сидят.

Кроссовки давно промокли, дождевик не выдержал напора водяных струй и не защищал от воды, джинсы почернели от влаги. Ноги сами привели его в старый район, где он познакомился с женой, где до сих пор жили ее родители. И они все еще ничего не знают. Сколько он

шел сюда? Путь ведь был неблизкий, но с собой не было ни телефона, ни часов, чтобы понять... хотя это неважно. Он набрал знакомый, заученный, впечатанный в сознание и подсознание код домофона, поднялся на второй этаж, нажал на кнопку звонка, и дверь тут же открыл Петр Сергеевич, отец жены.

Глаза запавшие, суровые, метают синие молнии, а ноги еле держат. Ухватился за ручку двери и не отпускает, не дает войти. Тонкие губы вовсе исчезли с лица. А вот и Ирина Васильевна, теща, подбегает и будто отказывается понять то, что понял ее муж еще в ту секунду, когда зазвонил звонок.

Момент, когда все оказались на кухне, врезался в память каждому, а то, что было до него – как снимал обувь и дождевик, как непонимающе смотрели ее родители на него, но при этом все понимали – этого никто не помнил.

Первым нарушил молчание Игорь. В его голосе не было прежней силы. Он просто говорил, чтобы не молчать.

– Врачи сказали, это аневризма. Говорят, что в любой момент она могла убить ее, но никогда не давала о себе знать. Говорят, это произошло уже... уже после операции.

После этих слов надолго воцарилась тишина. Ирина Васильевна плакала тихо и горько. Петр Сергеевич не плакал, но его лицо посерело, осунулось и постарело вмиг, в одну секунду.

Любимая дочка, Неллечка, умница и красавица, гордость всей семьи. Успешный графический дизайнер, показала родителям магию искусства в современном мире, так удачно вышла замуж за чудесного парня, с которым прошла путь от комнаты в коммуналке до совместной квартиры в центре Москвы, подарила им чудеснейшего внука, все детство была примерной дочкой, носила пятерки и никогда не приносила проблем. Иногда Петру и Ирине казалось, что их дочь – буквально образчик идеальной женщины, дочери, жены и матери. И вот – расплата за тридцать лет счастья быть ее родителями. Что может быть хуже в этом мире, чем потерять ребенка? У них не было ответа на этот вопрос. Вид убитого горем Игоря раздражал: разве может он понять их боль? Разве может почувствовать хоть десятую долю того, что чувствует убитая горем мать?

Молчание затягивалось. Любая фраза была бы неуместной. И все же Петр Сергеевич начал:

– А с ребенком все в порядке?

– Да. Здоровая и крепкая девочка, три с половиной килограмма. Ее будут обследовать несколько дней и, если все хорошо, во вторник-среду отдадут. Выходные еще накладываются.

– А Максим? – Петр Сергеевич метнул глаза на зятя. – Он знает?

– Пока нет. Я сам ему все объясню. Но завтра и дальше – лучше пусть у вас поживет...

На недоуменный взгляд отвечал уже смущенно:

– Я в квартире накуролесил. Надо будет всю детскую менять.

– Так ты что? Маленькую винишь, что ли? – лицо пожилого мужчины стало совершенно грифельным.

– Нет. Никого не виню...

В голове пронесся разговор жены с ее близкой подругой, врачом-неврологом. Та рассказывала, что родители детей, больных ДЦП или аутизмом, редко принимают тот факт, что никто кроме природы и генетики не виноват в том, что случилось. Всегда ищут виноватых среди людей: врачей, акушеров, анестезиологов, которые «сделали не тот укол». В крайнем случае виноваты прививки. Так проще жить, так проще переносить тяготы такой жизни. И в этом нет ничего плохого, ведь сделать их жизнь проще практически невозможно, и они цепляются – неосознанно, конечно – за любую возможность.

Игорь взглянул на себя со стороны и понял, что тоже винит врачей. Но не дочку.

– Не виню дочь, но контроль потерял над собой. Приведу ее комнату в порядок за пару дней, как раз к ее выписке.

– А что дальше? Тебе ведь декрет никто не даст. Один-то ты семью тянул на ура, а если ты будешь с ребенком, работать кто будет? Ты об этом думал?

– Я ни о чем, кроме Нелли, думать не могу, – признался Игорь.

Петр Сергеевич лишь кивнул головой и замолчал.

– Я знаю, что у вас есть идеи на этот счет, – сказал Игорь после паузы, понимая, что эти идеи не придутся ему по вкусу.

– Давай какое-то время девочка поживет у нас? Кстати, имя-то у нее есть?

Да, так и есть. Хотят отобрать внучку себе. За Максима шла вечная война: за каждый выходной, за каждый вечер после детского сада. Долгожданный первенец, всеми любимый и залюбленный, за его внимание шла нескончаемая битва. Вот и теперь – девочка не успела родиться, а уже начинается противостояние.

– Нелли хотела назвать Майей, но мне не нравилось, как сочетается с отчеством, – нахмурил брови Игорь. – Майя Игоревна, – попробовал имя и отчество в сочетании на язык молодой отец в тысячный раз, – теперь мне кажется, что нормально звучит.

Тесть молчал, ждал ответа на каждый из поставленных вопросов. Пришлось отвечать.

– Майя будет жить со мной. Я не знаю, как буду справляться, и я не буду отказываться от вашей помощи. Но я не готов отдать дочку на воспитание. В ней половинка Нелли. В Максиме еще одна половинка. Вот и получается, что целая Нелли в двух наших детях.

Ирина Васильевна улыбнулась этому сравнению с половинками и впервые за весь вечер произнесла:

– Мы поможем столько, сколько будет нужно. А детей у тебя никто не забирает.

– Спасибо.

Голос сел. Слово благодарности вышло хрипом. Пришло время уходить. Который час?

А час был поздний – сын в детском саду уже давно ждет, что за ним придут, наверняка остался последним из детей. Ничего, это не страшно. Страшно будет ему рассказывать. Как это сделать?

Над этим вопросом Игорь ломал голову всю дорогу до детского сада, но не смог себе ответить на него.

К большому облегчению, Максим не был как-то расстроен долгим отсутствием отца, встретил его щебетом и рассказами о сегодняшнем дне. Воспитательница отдала мальчишку с равнодушным «все нормально, вел себя хорошо, поделка на шкафчиках в углу».

Если бы Игорь не был так заиклен на своих мыслях, он бы заметил в ней очень красивую и безумно уставшую девушку с густой копной песочно-русых волос, сплетенных в тугую косу, с тонкой талией и острым подбородком. И непременно бы удивился, как быстро все-таки выгорают молодые воспитатели, как быстро устают от детей, которых еще месяц назад обожали, как быстро гаснет огонь в глазах и не остается больше ничего. Но ему было не до того. Он так и не знал, как сказать сыну о смерти его мамы. И не знал вообще, как будет жить дальше.

Вечер они провели как обычно. Игорь так и не набрался смелости рассказать правду. Максим и не спрашивал, он помнил, что мама в больнице, где специальные врачи помогут маме достать из животика сестренку. Мама показывала ему шрам на животе от предыдущей операции, рассказала, что и его когда-то тоже достали врачи. Максим воспринял это как что-то естественное. «А как же еще доставать детей? – думал он. – В животе ведь дырок нет... А пупок?... Нет... пупок слишком маленький, как через него вылезет человек?» На этом он и остановился.

И только перед сном он решил уточнить: мама вернется до выходных или после? Сразу с сестричкой или одна, а сестричка приедет потом?

В этот момент к Максиму закрались смутные подозрения, ведь отец отреагировал странно и сказал, что завтра все объяснит. Что тут объяснять, мальчик не понимал, но согласился и спокойно уснул...

Утром Максим проснулся поздно. Никто не разбудил его и не отвез в детский сад. Отец гремел чашками на кухне, и через нижнюю щель двери доносился запах какао: он всегда его пил в выходные утром. Но сегодня был не выходной, по крайней мере по календарю, и Максим это точно знал. Мама много времени потратила на то, чтобы в голове у Максима крепко-накрепко осели и дни недели, и названия всех двенадцати месяцев. Поэтому простой вывод – «значит, что-то идет не по плану, наверное, мама вернется сегодня» – напросился сам собой.

От этой мысли мальчишка подпрыгнул в кровати, как заведенная пружина, и подбежал к шкафу. Вытянул первые попавшиеся штаны, футболку с машинкой Молния Маквин и вчерашние носки. Он готов встречать маму и порадует папу своей самостоятельностью. Максим даже представил себе, как папа хвалит его.

Квартира, в которой жил Максим с родителями, была поистине огромная. В ней было два этажа, три спальни, гостиная с кухней, кабинет родителей и целых два туалета. А в гостиной стоял настоящий камин! Максим верил, что их квартира – это огромный замок в замке многоквартирного дома. Когда он вырастет, он поймет, что комнатки на самом деле маленькие, а общий размер кухни и гостиной не такой уж и впечатляющий. Но пока это был замок в замке.

На столе остывала кружка с какао, и Максим с огромным удовольствием запрыгнул на стул и придвинул к себе напиток богов.

– Доброе утро, папа.

– Доброе утро, Максим. Ты сам оделся? Молодец.

Игорь не заметил, как пришел сын. Обычно Максим шумный и неуклюжий, начинает утро с призыва к себе в спальню. А сегодня – совсем другой.

«Дети все чувствуют» – мысль в голове юркнула мышью и оставила неприятный след. В эту ночь Игорь почти не спал. Думал, как рассказать сыну о случившемся. Вспоминал жену. Думал, как будет жить с двумя детьми и как будет их обеспечивать. Вопрос вчера Петр Сергеевич поставил удивительно правильно. Игорь работал из дома, таких как он называли модным словом «фрилансер», и даже имея хороший доход, он оставался без декрета и каких-либо социальных бонусов. Наверняка будут какие-то выплаты от государства, но смешно на них рассчитывать. В голове созрел план, он имел много брешей и неровностей, но все же был похож на какую-то стратегию. По старшему сыну он помнил: главное – дотерпеть до детского сада, а дальше будет легче. Но это все потом. Сейчас – рассказать Максиму о матери.

Сын болтал о чем-то своем, словно радио. Как в его маленькой головке помещалось столько слов в таком возрасте?

– Я допил какао. Какао сладкий, мне нравится какао. Мы будем сегодня играть? Я люблю игру про волка. В садике никто не умеет в волка играть. Соня вообще играть не умеет, умеет только драться. А Вика красивая. Ольга Консативна (он не выговаривал отчество воспитательницы) поставила нас танцевать...

И так без конца и начала, порой повторяясь по инерции, порой в надежде на еще одну кружку какао, совместную настольную игру или просто чтобы заполнить тишину.

– Собирайся, поехали.

Максим хотел было поспорить, но передумал. С отцом не забалуешь. Мама приготовит куртку, снимет с верхнего крючка, выберет ботинки по погоде, даст просушенные на батарее перчатки. Когда собирает отец, он только следит, чтобы Максим делал все правильно, и ничего не делает за него. Правда, к четырем годам Максим выучил золотое правило: если что-то не получается (застегнуть куртку или завязать шнурки), надо только внятно попросить отца о помощи, и тогда без проблем, он поможет. Раньше мальчик часто срывался в визг и истерики из-за неудач с одеждой и процессом надевания ее на себя – из-за того что папа не догадывался, чем ему помочь. Но потом мама тоже примкнула к этой стратегии, и родителям стало проще.

А Макс – нет. Вот и сейчас узлы на ботинке завязались в предательски тугий узел, а не аккуратный бантик.

– Папа! У меня не получается! – завопил Максим, едва сдерживая панику. Он уже несколько минут возился со шнурками, которые точно маленькие червяки извивались в пальцах и не поддавались никаким ухищрениям.

Отец появился мгновенно, как будто все время был рядом. Ловко распутал шнурки, медленно показал, как надо их завязывать, и осмотрел сына критическим взглядом. Он остался доволен: штаны плотные, джинсовые – не замерзнет, так что можно утепленные не надевать, перчатки пусть и мокрые со вчерашней прогулки в саду, зато в наличии. Куртка-шапка-ботинки по погоде, хоть и слегка кривовато нацеплены. Игорь поправил до аккуратной симметрии шапку и одернул куртку. В молчании они вышли к лифту. Максим думал свои детские и чудесные мысли. Игорь думал, что важно не забыть положить перчатки сына на воздуховоды в машине – пусть если не высохнут, так хоть согреются.

Навигатор в телефоне предложил кратчайший путь – пятнадцать минут. Мозг предложил самый очевидный для Игоря вариант – церковь. Сам он набожным не был, в загробный мир не верил. Но ничего лучше, чем рассказать сыну о том, что мать на небесах, он не придумал. На улице выпал первый пушистый снег в этом году. Он припорошил все: и не опавшие листочки на деревьях, и еще зеленую траву на газонах, и тонкую линию ограждений на тротуарах. Небо висело темным и хмурым. «Жалко, – отметил про себя Игорь, – в ясное утро можно сказать, что маме на небесах хорошо. А кому может быть хорошо в этом грозовом убожестве?»

Острые слова всплывали мыслями самостоятельно, без спроса. Все его чувства, мысли и подбираемые им слова стали сильнее, острее, тяжелее. Вчера он не чувствовал ничего, а сегодня – как кожу сняли.

Прозвучал тонкий писк сигнализации, щелкнул электрический замок, и Игорь с сыном отошли от припаркованной машины. Когда отец взял Макса за руку, понял: забыл перчатки на воздуховодах. «Ладно. Недалеко идти» – отмахнулся он и зашагал быстрее.

В церкви стоял терпкий характерный запах, который ни с чем не перепутать. Это была церковь с небольшой залой, где проходили службы. Алтарь – сплошное золото, иконы на постаментах – все в золотых рамах. Игорь не любил церковь за это пристрастие к золоту и много за что еще. Но сейчас не мог быть в другом месте. Стены были расписаны так, как он и ожидал: красивые тонконосы ангелы в белых одеждах и с нимбами вокруг головы.

Сын вжался в руку отца и съежился. После крещения он первый раз был в церкви. Особенно было страшно от того, что он оказался не готов к такому месту. Мама всегда заранее рассказывала, куда они едут и что будут делать. Отец не удосужился предупредить, что едут не маму забирать, а в очень необычное место. Максим окончательно растерялся, когда папа потянул его к окошку и стал о чем-то говорить с женщиной в платке. Папа заплатил ей денег и взял из худосочных рук две свечки, сказал еще что-то и потянул вглубь странного места. И в этот момент взгляд женщины метнулся к Максиму и был настолько колючим и неприятным, что мальчик перестал отвлекаться на красивых людей в белых странных халатах и спрятался за спину отца.

Они прошли в самый угол большой залы, и отец наконец заговорил с Максимом. В первый раз со вчерашнего вечера Игорь не просто говорил, что делать, не механически говорил «ага» на все вопросы, а говорил с сыном, смотрел и – главное – видел сына.

– Посмотри на картины на стенах. Тебе нравятся?

– Это странные врачи, я их не боюсь, – Максим чуть выпятил грудь вперед, но Игорь тут же понял, что вообще-то сын боится. И даже очень.

– Это не врачи. Это ангелы. Посмотри, какие у них крылья за спиной. Их никто не может видеть, но они у всех есть. У каждого человека свой ангел, и он его охраняет.

– И у меня?

– И у тебя. Но не все ангелы должны охранять какого-то человека. Есть такие, которые никого не охраняют, они живут в другом месте и занимаются другими делами. Это место – небеса. Посмотри внимательно, видишь на картинках облака и вокруг все голубое? Это небо.

Максим протяжно выдохнул: «Дааааа...»

– Это очень хорошее место. И там живут не только ангелы. Иногда к ним отправляются и люди.

– Да? Мы можем к ним попасть на небо? На самолете, как тогда, когда мы в Турцию летали?

В голове мальчика представилось, как по городу среди облаков, где ходят крылатые люди, пролетает экскурсионный самолет. Но он не успел выдать свою теорию отцу.

– Не совсем так. Все, кто может быть здесь, на земле, на небеса попасть не могут. Чтобы попасть на небеса... Красиво там, правда? – Игорь запнулся и не понимал, как в свое неловкое объяснение ввернуть слово «умереть», а сын, как назло, терял терпение, начинал дрыгаться, его рука то и дело норовила вырваться из руки отца и потрогать раму какой-нибудь иконы. – Когда ангел решает забрать с собой человека на небеса, он уже не может вернуться на землю. На небесах очень хорошо, красиво и... весело. Если кто-то оказывается на небесах – это хорошо. Максим... посмотри мне в глаза и слушай очень внимательно. Наша мама – там, с ангелами, на небесах.

Сын смотрел на отца ясными глазами и кивнул абсолютно серьезно:

– Хорошо.

В его голове все сходилось в очень стройную картину с врачами, которые хоть и были, по мнению взрослых, хорошими, но на самом деле делали уколы, а когда однажды Максим сломал ногу, то врач искал самое больное место и давил на него. Небеса – это очень большая больница, целый город, он это тоже прекрасно понял. А ангел – врач, который маму забрал в эту больницу. В этой красивой и складной истории были пробелы, и Максим чувствовал подвох, но детская психика предпочла проигнорировать его.

– Пойдем домой? – выпалил мальчик и потащил отца к выходу.

«Это все? Вот так просто? Неужели он понял? Или не понял совсем ничего?» – поддаваясь сыну и его желанию покинуть страшное здание, думал мужчина. В руке остались длинные мягкие свечи, они так и не зажгли их. Что теперь с ними делать?

Перекрестившись, вышли из церкви.

На улице Игорь снова вернулся к разговору о маме. Но Максим проявлял удивительную смышленность и отвечал на вопросы папы очень складно, как будто заученный стих повторял он то, что говорил отец немного раньше: и что мама не небе, и что там хорошо, что забрал ее ангел и что ангел есть у всех. Не было в словах мальчика ни заботы, ни переживаний, ни паники.

– Максим, ты понимаешь ведь, что с небес назад маму не отпустят? – Игорь уточнил это, скрепляя ремни безопасности в детском кресле.

За все время, что они провели в дороге и церкви, снег не останавливался, и на высокой ели скопился толстый слой снежинок, разом рухнувших на Игоря под порывом ветра в момент осознания: сын уверен, что мама вернется. И его растерянный взгляд это подтвердил.

В этот момент начался ад. Сын не верил. Не верил, что мама его бросила. Зачем ей больница и ангелы, если есть он и папа? Он плакал и повторял как заведенный: «Я хочу к маме!»

И откуда столько выдержки взялось в Игоре? Он открепил ремни безопасности, сел с сыном на заднее сиденье и гладил его по голове. Тысячу раз ответил «нет» на вопрос «мама вернется?», тысячу раз ответил на сыновье «я хочу к маме» честным «я тоже», на тысячу «где мама?» тысячу «на небесах».

Мальчик еще не понимал, что с ним происходит, не понимал, что чувствует и почему так плохо. Не знал он и то, что в тот день изменилась его судьба, его характер и он сам, что слова отца определили то, каким он вырастет, и то, что отец не бросил его наедине с горем, а

в перерывах всхлипываний и ответов на вопрос «где мама?» говорил о том, что любит сына, о том, что мама на небесах и все еще любит их – все это здесь и сейчас определяло маленькую личность и его будущее.

Глава 2

Выписку из роддома Игорь решил все равно сделать если и не радостной, так хотя бы не мрачной. Купил цветов медсестре, нарядил сына в костюм, в который нарядил бы, если бы жена была жива, сам надел любимую рубашку. В нем боролись самые противоречивые чувства. Ему хотелось, чтобы дети чувствовали, что все еще любимы отцом. Чтобы Максим чувствовал, что отец его любит даже сильнее, чем раньше – за двоих. И не мог признаться себе в том, что боль сильнее и она не даст ему полноценно воплотить роль идеального отца. А он уже успел в одну из бессонных ночей покаяться умершей жене в том, что сделает все возможное, и дети не будут обделены ни любовью, ни вниманием, ни благосостоянием. Как он это будет делать, Игорь все еще не знал, да и не хотел знать. Будет решать проблемы по мере их поступления. Правда, поступали они слишком быстро. Пока благоустраивалась детская комната (топор, который предательски остался прислоненным у лифта, Игорь выкинул на следующий день после погрома, по дороге в церковь), приходилось возиться с вопросами оформления не только свидетельства о рождении, но и свидетельства о смерти, иметь дело с юристами, ведь жена и не думала составлять завещание, а также заниматься вопросами похорон. На этом фоне в понедельник, за двое суток до выписки ребенка, случился скандал с родителями Нелли. Они хотели хоронить в гробу на кладбище – как принято. Игорь собирался предать тело кремации – как хотела того сама Нелли, но нигде и никогда не указывала это в письменном виде. Все дело осложняла судебная экспертиза и внутрибольничные проволочки, в которые Игорь даже не пытался вникнуть. Оказалось, что смерть роженицы для родильного дома – трагедия примерно такая же, как оспа, чума или пришествие инопланетян. Случается такое крайне редко, почти никогда, врачи идут в расход, глав больниц снимают с мест. В голове Игоря была мысль доказать вину врача-акушера, с которым был заключен контракт на платные роды, и подать в суд, но когда началась круговерть со вскрытиями, следователями и даже увольнениями кого-то из начальства, он ужаснулся масштабам последствий и решил не добавлять себе головной боли.

В роддом Игорь и Нелли приехали в первой половине дня, чтобы сдать все анализы, а на завтра, также в первой половине дня, была назначена операция. Когда Игорь не получил известий от жены в четыре часа дня, он поехал в роддом сам. Там с ним и разговаривала врач акушер-гинеколог. Ни на следующий день, ни когда-либо после Игорь не мог вспомнить, что говорила ему врач, с кем он общался потом. Помнил ненависть к ней, как захотел задушить эту маленькую женщину с огромной подушкой каштановых кудрявых волос, непослушно выбивающихся из-под одноразовой шапочки. Но потом, когда им пришлось общаться снова, он видел, что ей плохо по-настоящему. Дети умирали относительно часто. Роженицы – крайне редко. Врач была опытная и много повидала, про нее говорили «от бога», и при этом каждый раз от нее уходили живые женщины. Иногда – без матки, бывали даже расхождения костей таза. Но чтобы смерть – такого не было даже в девяностые. Умирали в реанимации – да, такое случалось. Те, кто долго лихорадил, те, кто имел проблемы с иммунной системой, с пересаженными почками, с нарушениями свертывания крови. Но за них боролась уже не только она, боролись и другие врачи – терапевты, реаниматологи, инфекционисты. Но в родах она всегда доводила дело до конца, девочки рожали и оставались живыми.

Максим был очень плаксив все дни до выписки. Накануне бабушка и дедушка привезли его к отцу. Игорь был отчаянно щепетилен касательно вопросов семьи и не позволил помочь себе в то утро. Как обычно в дни, когда сын не идет в детский сад, он приготовил ему какао. В комнате, пока сын возился с брюками, а Игорь выбирал более или менее приличную рубашку, он наставлял сына:

- Помни, что это больница, там нельзя...
- Да, пап.
- ...бегать, шуметь и кричать...
- Да, пап.
- Будь ближе к бабушке...
- Да, пап.
- ...и дедушке...

Максим почти не слушал, что говорил отец. Он и без того знал, что бегать и издавать громкие звуки почти нигде и почти никогда нельзя, хотя ему почти всегда и почти везде этого хотелось. От отца он и сам бы сегодня держался подальше – такой он хмурый, грубый и напряженный. Максим себе не признавался, но он побаивался отца, когда тот был в мрачном расположении духа. А с момента, как они съездили в церковь, отец никогда не был довольным. К счастью, Максим почти все дни провел у бабушки и дедушки. О маме он думал часто и несколько раз задавал вопросы, когда она вернется, но лицо взрослых менялось кардинальным образом, и мальчик понял: ничего хорошего или хотя бы внятного он от них не добьется. И потому он все больше играл один и просто ждал. Ждал маму.

Просторный холл с зимним садом из фикусов и папоротников был разделен на несколько зон, чтобы сразу несколько семей встречали новорожденных и их мам. Для Игоря и Максима, Петра Сергеевича и Ирины Васильевны была выделена зона с особо ярко цветущим растением, беспринципно врывающимся множеством оранжевых лепестков в серый и мрачный мир убитой горем семьи.

Белая дверь отворилась, и вышла безликая медсестра с короткой стрижкой, которая ничем больше не запомнилась. Она равнодушно сунула ребенка отцу, с готовностью приняла цветы и скрылась за той же дверью так же быстро, как и избавилась от кулька с новорожденной девочкой, отнимающей ее рабочее время. Медсестра передала документы так ловко, что никто даже не понял, как у дедушки в руках оказались и медицинские справки, и стандартные поздравления от родильного дома.

Девочка оказалась такой же, как и все новорожденные: сморщенное старческое личико, морщинки, тонкая розовая кожа просвечивает и видна сеть веноч вокруг опухших и закрытых глаз. Игорь удивился, насколько сильно этот комоч сумел изменить его жизнь и жизнь всех окружающих. И что сейчас он не испытывает к этой малышке ровным счетом ничего. Как не испытывал и к Максу. Разве только такой же, как и со старшим сыном, страх перед неизвестным будущим.

Только вот с сыном все было по-другому. Игорь боялся ребенка как инопланетянина, которого он по доброй воле впустил в свой дом. И этот инопланетянин оказался способен на многие вещи, о которых Игорь не подозревал, но которые предчувствовал. В этот раз маленькое инопланетное создание не могло принести новых сюрпризов, но именно потому, что Игорь знал, что бывает после появления младенца в доме. Но он не знал, как будет жить дальше.

Около самого большого фикуса и около самого большого соцветия оранжевых цветов сделали несколько вымученно-улыбчивых фотографий на память. Для Майи.

Всю дорогу домой девочка спала. Дома, как только ее положили в кроватку, она разлепила свои подслеповатые глазки и дала знать бодрым воплем: я дома!

– Малышка, не плачь, твой братик рядом, – успокаивал Максим, неумело и слишком резко поглаживая ее ножку, крепко спеленатую медсестрой в роддоме.

В этот момент Игорь понял: будни папы-одиночки начались. К счастью, теща быстро навела нужное количество смеси, ловко высвободила малышку из рук растерянного отца и начала кормить внуку так, будто делала это и вчера, и позавчера, и вообще каждый день последние тридцать лет.

– Игорь, ты еще не оправился от всех событий, – проговорила она с мягким напором, – девочке нужна женская рука, а тебе время – чтобы прийти в себя, понимаешь?

Он и сам видел, как ловко она все обернула, пока он даже еще не успел сообразить причины недовольства дочери. Но слова тещи полоснули ножом.

– Я им буду и мамой, и папой, и советской властью, если понадобится. У вас ловко получается, Ирина Васильевна. Вы женщина, и это правда, что вы управитесь лучше меня, – на этом моменте он сделал паузу, и на щеках у тещи появился румянец, – но я их отец, а вы – не мама моей дочке.

Теперь удар получила теща. Она поджала губы и разговор был окончен.

– Но не откажусь от помощи, я уже говорил. Завтра и послезавтра я побуду с детьми один, я организовал себе на работе небольшой зазор между заказами. Я пойму, в чем больше всего мне нужно помочь, и обязательно скажу вам. Хорошо?

– Хорошо, – ледяным голосом ответила Ирина Васильева, с любовью рассматривая внучку.

Петр Сергеевич с момента, как оказался в роддоме, не произнес ни единого слова. До смерти дочери он ни разу не конфликтовал с зятем. Всегда получалось найти компромисс в любом вопросе. Сейчас Игорь вел себя чересчур жестко, чересчур грубо. И Петру Сергеевичу это не нравилось. Очень не нравилось.

Родственники ушли, и Игорь остался один на один со своими детьми. Волна паники попыталась захлестнуть его.

«Дети все чувствуют, так что если хочу сегодня поспать, то лучше расслабиться» – повторял про себя отец семейства.

Но было поздно. Майя уже все прочувствовала и начала громко возмущаться, а Максим демонстративно закрывал уши и все повторял:

– Мне не нравится, как она кричит! Мне не нравится, как она кричит! Мне не нравится, как она кричит!

Паника все еще хлестала через край, и только веселый искусственный тон помогал держаться.

– Папка на опыте, детка, так что все сделаем в самом чистом виде, – приговаривал он, пока сворачивал в комок отвратительно пахнущий подгузник. – Ну ты и вонючка, должен признать.

Игорь почти не останавливался в разговорах, пока управлялся с гигиеническими процедурами: боялся. Боялся, что в тишине станет ясно: он не справится.

Когда ушли тесть и теща, когда успокоил дочь, уgomонил сына – набрал матери по видеосвязи, чтобы продемонстрировать дочь-красавицу. Мама была сейчас очень нужна, если не рядом, то хотя бы в телефоне. Казалось, что она одна верила в него. Возраст, больные суставы и тысячи километров не позволяли ей хоть немного снять груз ответственности с сына, помочь ему, просто обнять. Она улыбалась и смеялась, а связь оставалась достаточно низкого качества, чтобы скрыть блеск беспокойства в глазах, а под ними – мешки от бессонных ночей в мыслях: «Как он там, мой сыночек?» Максим не дал им толком поговорить, постоянно перебивал, показывал то игрушки, то рисунки и поделки из детского сада. Он любил своих бабушек и дедушек, скучал по маме и не понимал, какую линию поведения выбрать. В родильном доме он вел себя ниже травы и тише воды, но дома разошелся: капризничал и требовал внимания. Лишь к вечеру увещевания отца дошли до него и он смог проявить самостоятельность.

Первая ночь прошла на удивление тихо. Максим вечером сам почистил зубы и пошел спать, Майя только ела и спала, временами Игорь менял подгузник, но и это действие не вызвало у него паники.

На первое утреннее кормление Майя проснулась в четыре утра. Игорь предусмотрительно оставил на ночь все необходимое, чтобы оперативно приготовить смесь и дать малышке. Не успела дочка разойтись в крике и перебудить весь дом, как уже мирно посапывала под магическим действием сладкой жидкости. Еще три восхитительных часа сна отделяли Игоря от первого настоящего испытания – отвести Максима в сад вместе с малышкой.

Вместо будильника сработал желудок Майи – она вопила, словно потерпевшая. Следом заныл Максим, не понимая пока еще причины своего плохого настроения. Бутылочку и кипяченую воду в термостате он использовал в четыре часа утра. Стерилизатор стоял пустой – в раннее утро он не запустил на обработку вторую бутылочку. Пустышка не воспринималась дочерью, и за обман она жестоко покарала отца новой порцией вопля несколькими нотами выше.

Максим пришел на кухню и протяжно выл, хотя, конечно, уступал сестре в децибелах. Он хотел спать, хотел внимания и тишины.

– Макс, я прошу тебя, дай мне десять минут, и я приду к тебе. Иди к себе, прошу. Обещаю, я приду, – молил Игорь.

И воющий Макс пошел к себе. Десять минут – это много времени. Термопот кипит, бутылочка из коробки извлечена и простерилизована кипятком, и наконец дочь начала закрывать глаза, а в квартире наступила тишина. Прямо с малышкой на руках, ровно десять минут спустя, Игорь отправился к сыну в комнату – тот собирал легио в одних трусах.

– Максим, – тихо позвал Игорь, но сын все равно вздрогнул. – Ты как?

– Нормально, я успокоился, – мальчик сделал акцент на последнем слове. Очень хотел, чтобы папа похвалил. Хоть за что-то. Хоть одно доброе слово.

И папа похвалил. Сказал заветное «ты молодец». А еще пообещал помочь одеться, когда сестренка доест свою еду. На душе у мальчика стало полегче, все-таки какое-никакое, а внимание от папы.

И пока Майя посапывала в колыбельке, Игорь честно помог сыну выбрать самые чистые из штанов.

– Ну что-о-о-о тако-о-о-о-ое, – протянул он, когда увидел, что, повторяя ошибки сына, натягивает ему носок пяткой вверх. Они засмеялись, а потом как заговорщики стали шикать друг на друга: нельзя будить спящего дракона. В то самое первое утро они и придумали Майе прозвище – Дракон. Называли ее так редко и только наедине друг с другом, обычно когда повторялась ситуация, схожая с той, что случилась в самое первое утро: Майя спит, а они уж больно развеселились.

В садик к завтраку Макс, конечно же, не успел. В довершение всего выяснилось, что надо было принести запасные вещи, потому что те, что имелись, Максим уже испачкал. Игорь вспомнил и то, как воспитательница возвращала ему грязные вещи, и как он бросил их в корзину для белья.

Пришлось возвращаться домой, искать сменную одежду и снова бежать в садик. К счастью, маленький Дракончик мирно посапывал в своей пуленепробиваемой коляске, в которую не пробирался ни промозглый ноябрьский воздух, ни шум близлежащего Севастопольского проспекта, ни гул автомобилей.

И этот восхитительный период крепкого дочкиного сна Игорь планировал использовать самым толковым образом: поработать. Да, декрет ему никто не даст. Но организовать по возможности спокойные ночи, а днем работать в дочкин сон и пока с ней гуляют бабушка или дедушка – вот залог успеха. Мужчина улыбнулся своей находчивости и, не смущаясь грязными следами на полу, провез коляску на балкон. «Будет считаться за двухчасовую прогулку» – поставил он галочку в своей голове и пошел работать.

Не прошло и пятнадцати минут, как в голове всплыл репортаж по НТВ десятилетней давности о замерзшем насмерть на балконе ребенке.

«Так это было в январе. И ребенок пять часов пролежал... или сколько...» – отогнал Игорь от себя дурные мысли, но дочку проверил. Спит, дышит, не мерзнет. Оставил открытой дверь нараспашку, чтобы точно услышать крик. Начал работать.

«Следы от коляски. Надо вытереть, потом некогда будет» – он набрал ведро воды и, ловко орудуя тряпкой, – спасибо военной кафедре в институте – оставил на полу лишь чистоту и запах средства для мытья. Не успел он вернуться, как молнией пронеслась мысль: «ГРЯЗНЫЕ БУТЫЛОЧКИ». Это пугало и холодило желудок. Бутылочки тут же были вымыты и отправлены в стерилизатор, а термопот заполнен водой до максимальной отметки. При этом Игорь предусмотрительно слил готовый кипяток, чтобы не ждать, когда остынет смесь, и разводить теплой водичкой. Ну все. Теперь можно поработать.

Работа всегда для Игоря была отдушиной. На работу он и возлагал свои надежды в период восстановления жизни. В работу он сбегал в самые трудные времена, работа приносила деньги, а деньги уносили печали, и трудные времена заканчивались. Выбрав профессию по душе, мужчина часто ловил себя на мысли, что не замечает, когда перестает отдыхать, работая, и когда начинает работать, отдыхая. Такая увлеченность сделала его профессионалом, а потому заказы на анализ баз данных он отбирал тщательно и просил за свою работу космические, по его собственным оценкам, суммы. Но люди платили, он работал и со временем совершенно сменил офис на домашний кабинет. Вот и сейчас, когда он сумел отключиться от беспокойства за дочь, лишь настойчивый писк стерилизатора смог его вернуть в реальность. Дверь на балкон захлопнулась, и прошло уже довольно много времени. Малышка на балконе заливалась благим детским матом, который приглушал стеклопакет. Игорь в полете на балкон бросил взгляд на часы: с момента, как он был у нее в последний раз, прошло сорок минут. Значит, самое долгое, сколько она плачет – тридцать девять минут. И она плачет – значит, живая. По спине пробежался холодок, он уже качал дочку одной рукой, а другой готовил ей еду. Девочка была теплой и на самом деле проснулась от писка стерилизатора, который проник на улицу, и лишь после этого дверь на балкон захлопнулась. Но Игорь этого не узнает, и теперь дочка будет спать у него в кабинете, пока он работает. Через три дня он купит специальную люльку на колесиках, которую будет таскать везде с собой. А пока он кормил дочку, успокаивал нервно колотящееся сердце и обещал себе и Нелли, что это никогда не повторится.

Майя с удовольствием выпила молочную смесь, но и не думала закрывать глазки. Она водила ими туда-сюда, ее губки то растягивались в улыбке, то сжимались в ниточку. Крошка остановила взгляд на отце и обнажила беззубые десны в улыбке.

Сердце снова заколотилось!

– Майя! Бусинка! Ты мне улыбаешься! – отец был вне себя от счастья. Но не тут-то было. Девочка нахмурила бровки, подтянула ножки к животику и... – Майя, ну ты и вонючка все-таки! – и все же настроение поднялось. Дочка ему улыбнулась, и Игорь с песенкой принялся за гигиенические процедуры.

Глава 3

Игорь быстро понял, что обустройство новой жизни оказалось гораздо сложнее, чем предполагал. Всего за неделю они утонули в грязном белье, посудомоечная машина постоянно была перегружена непрерывным потоком грязной посуды, дочка страдала от чередующихся приступов поноса и запора. Но самым ужасным в этом водовороте бытового кошмара были колики. Ровно в семь часов вечера, как по часам, Майя начинала вдыхать больше воздуха в свою маленькую грудь, ее лицо становилось багровым, ножки прижимались к животику и начинались крики.

– Майя, уже девятнадцать ноль одна, а ты молчишь? – усмехнулся Игорь, глядя на экран видеоняни, который передавал картинку сладко спящей дочери.

Тишина не длилась долго. Через три минуты, как по щелчку, из комнаты Майи послышался вопль. В эту же минуту громко хлопнула дверь в соседнюю комнату – Макс не собирался сочувствовать страданиям сестры. Пока Игорь грел мешочек с вишневыми косточками в микроволновой печи (в интернете многие мамы писали, что это спасительное средство), из комнаты сына слышались нарастающие звуки мультфильма. Поэтому сначала он зашел в комнату Максима.

– Макс! – рявкнул Игорь на сына, перекрикивая телевизор и крики дочери. – А ну быстро сделай тише!

– Но мне не слышно... – слабо запротестовал Максим.

– Зато Майе прекрасно все слышно, как мне ее под такой ор укладывать?

Снова громыхнула ударом дверь, и Игорь пошел в комнату ко второму ребенку.

Крики в этот вечер еще долго не смолкали в квартире, где отец-одиночка пытался справиться с новорожденной малышкой и страдающим от одиночества мальчиком.

«Возьмете Максима завтра после детского сада?» – писал он сообщение Ирине Васильевне, когда дочка немного успокоилась и сопела под колыбельную, которую Игорь запустил на колонке.

«Да, конечно. После ужина забрать или пораньше?» – теща почти всегда отвечала мгновенно.

«Можно и пораньше, если вам удобно».

«Ок».

Майя совсем успокоилась, и Игорь аккуратно уложил ее в колыбельку. Полтора часа между снами дочка заливалась криком так сильно, что лицо ее временами приобретало фиолетовый оттенок. Но теперь она спала крепко.

– Максим, еще пять минут и идем ужинать, – Игорь мельком заглянул в комнату к сыну.

– Ла-а-а-адно, – протянул он недовольно, но в голосе была полная покорность.

Ни Максим, ни Игорь не встретились на кухне ни через пять, ни через десять минут. Ребенок смотрел мультики, отец работал. Один в силу возраста, другой в силу характера не проконтролировали время.

«Тишина в этом доме – слишком ценный ресурс, чтобы им разбрасываться» – оправдывал он себя.

Но той же ночью не мог уснуть, ворочался и ругал себя за то, что был не сдержан с сыном, торопил во время ужина в половину одиннадцатого и за то, что совсем не пытался узнать, как у него прошел день.

Несколько следующих ночей Максим провел у бабушки. Ирина Васильевна предлагала и на выходные забрать внука, но Игорь воспротивился.

– Так он скоро к вам жить переберется, – пытался он шутить, но выходило слишком резко, голос звучал грубо.

К вечеру Игорь отправился за сыном в детский сад. Коляска давила свежевыпавшие снежинки и месила их с грязью. Майя разглядывала потолок капора и активно сосала пустышку. Они вышли чуть позже, чем следовало, и Игоря это беспокоило.

«Будет плохо, если колики начнутся раньше, прям в саду или на улице» – думал он, раскручивая в голове самые разные сценарии одной и той же ситуации. Вот перед глазами пронеслась картина, когда Майя побагровела в раздевалке детского сада. Вот следующий кадр: из коляски поднимается вой. Вот еще один: к нему подходит воспитатель и начинает его поучать, как делать и что делать, чтобы не кричал ребенок. И в своих мыслях Игорь находил слова, чтобы парировать любой выпад со стороны любого непрошенного советчика.

Майя отняла у отца возможность продемонстрировать свои навыки давания отпора советчикам. Она просто смотрела на весь мир своими большими голубыми глазами и продолжала сосать пустышку.

– Сегодня не бабушка? – с кислой миной встретил Максим отца.

Игорь вымучил улыбку и потрепал его за плечо.

– У бабушки тоже должны быть выходные, сегодня я с тобой. И Майя.

Сын на это ничего не ответил. Он прошел к своему шкафчику и начал медленно одеваться. Воспитательница, Ольга Константиновна, та самая с тонкой талией и толстой косой, обеспокоенно спросила, все ли в порядке в семье, и ушла обратно в группу. Игорю показалось, что она даже не запомнила, какой ответ получила.

– Как у тебя день в саду прошел?

Максим продолжал хранить молчание.

– Ты выглядишь расстроенным. Что-то случилось?

Сын натягивал молча колготки и не торопился отвечать. На руках заерзала Майя. Ей становилось жарко.

Игорь одновременно расстегнул комбинезон дочке и прошел в сторону группы, чтобы спросить у Ольги Константиновны, все ли в порядке с Максимом.

– Да вы знаете, в целом все неплохо... Он, правда, все меньше с детишками играет. Так, что-то сам себе сидит, машинки гоняет, какие-то гаражи строит, пробку из машин делает... Правда, если ему помешать, он сильно расстраивается, может и стукнуть кого-то из детей, если сломают его гаражи... ну а так... в целом хорошо все, ест он хорошо, спит в тихий час, детям не мешает, не болтает ни с кем...

На этом перечисление успехов Максима закончилось, и воспитательница со словами «ну вот как-то вот так вот» снова скрылась за дверью. Но спустя несколько секунд опять вынырнула из группы.

– И еще, пока не забыла: в понедельник не забудьте, пожалуйста, положить ему чистую футболку запасную, – она сделала упор на слове «чистую». – И форму спортивную. На этой неделе он занимался физкультурой в том, в чем в саду ходит. Хорошо?

– Хорошо... – ответил Игорь.

Спускались по лестнице тоже в тягостном молчании, которое Игорь снова попытался прервать.

– Может, зайдём на площадку?

– Не, не хочу.

– Ты же любишь после сада на площадке поиграть?

Майя уже ощутимо вертелась на руках, кряхтела и возмущалась, и в душе Игорь радовался тому, что сын отказывается.

– Хочу домой.

– Холодно на улице, да? – попытался Игорь найти причину и очень обрадовался, когда Максим угукнул в ответ.

Единственным человеком, с которым Максим все еще чувствовал себя в безопасности, была его бабушка Ира. Она все чаще стала приходить за ним в детский сад, и эти дни он любил гораздо больше, чем одинокие вечера в своей комнате.

В очередной раз они шли вдвоем по сумеркам из детского сада к остановке. Остановка стояла на небольшой площади, где уже сияла яркими огнями новогодняя елка. Макс любовался елкой, вокруг которой сновали машины.

– Тебе нравится Новый год, правда? – спросила бабушка.

– Да, очень! – ответил Макс, и по лицу его пробежала улыбка.

– Что ты хочешь написать Деду Морозу в этом году? – снова спросила бабушка Ира, отвечая внуку улыбкой.

Максим задумался на мгновение, а затем ответил:

– Я хочу, чтобы моя мама вернулась.

– Максим... – задохнулась бабушка Ира и прижала ладонь ко рту. – Это невозможно, ты же знаешь.

– Знаю, – внук стал ковырять снег и грязь носком ботинка. – Тогда я хотел бы, чтобы папа меня любил как раньше. И чтобы ты всегда любила меня.

Бабушка Ира прижала Максима к себе и обняла его.

– Ты мой самый любимый внук навсегда, я всегда-всегда буду любить тебя. И папа тебя любит очень. Просто ему сейчас трудно.

Максим ничего не ответил. Подъехал их автобус, и они продолжили путь. Сначала внук и бабушка просто молчали: Максим любил кататься на автобусе и просто получал удовольствие от поездки. Особенно в самом начале, когда большая машина делает полукруг рядом с елкой. Разговор возобновился ближе к нужной остановке.

– Бабушка, а ты купишь мне булку в том магазине?

– В кондитерской, – поправила его бабушка и тут же добавила, – конечно, куплю.

Булочка была восхитительной. Именно в этой кондитерской булочки держали на специальном подогреваемом поддоне, и они всегда были горячими, сладкими и свежими. А со сладкой булкой в руках и разговор пошел живее. Они говорили про Новый год и елки, про Деда Мороза и подарки. Внезапно бабушка сменила тему:

– Ты сильный, Максим. Ты отлично справляешься.

Максим не понял, о чем она, и ничего не ответил, продолжая наслаждаться булкой и бабушкой рядом.

Глава 4

В последний рабочий день перед Новым годом, тридцатого декабря, Игорь вел сына в детский сад сам. Какой-никакой, а режим у них выработался: прогулка после сада, дать поесть дочери и начать работать, потом приезжал то тесть, то теща и брали обязанности по уходу за малышкой на себя. Сын три дня в неделю проводил у бабушки с дедушкой, часто еще и выходные. Это позволило Игорю привести в порядок дом, найти силы поставить в последние выходные перед праздником елку и даже купить и упаковать подарки сыну (письмо Деду Морозу написали с бабушкой, и теперь Игорь не сомневался, что сможет порадовать сына) и дочери, про себя прославляя интернет-магазины и доставку.

Раз в две недели Игорь отдавал сразу двоих детей и ехал на кладбище. Могилка с прахом жены была самой маленькой среди всех остальных захоронений. Постоянный памятник пока не поставили, и потемневший крест выглядел особенно угрюмым.

В последнюю свою поездку перед Новым годом к жене на кладбище Игорь долго сидел у могилки, глядя на крест и черно-белую овальную фотографию жены. Он чувствовал себя одиноким и беспомощным, словно бы никто и ничто не могло ему помочь. Но он знал, что должен быть сильным для своих детей.

– Прости меня, дорогая, – шептал он тихо, – но я не знаю, как мне жить дальше. Я не могу заменить тебя нашим детям. Я стараюсь быть им и папой, и мамой, Нелли. Я очень стараюсь.

Плечи, припорошенные свежим снегом, тянуло к земле. Но не невесомые снежинки давили на Игоря неподъемным грузом. На кладбище он смотрел на себя глазами жены и казался себе ужасно жалким, несчастным и никчемным. А потом снова встречался с ее смеющимся взглядом на черно-белой фотографии. Она как будто говорила ему: «У тебя все получится! Теперь у тебя силы на двоих!» И он верил этим не сказанным женой словам.

Он задумчиво вышел с кладбища и сел в машину. Ему трудно было ехать домой, зная, что дети ждут его, что предстоит провести с ними вечер и снова стараться быть веселым, придумывать развлечения и пытаться все-таки быть хорошим отцом. Он должен справиться.

Когда он зашел домой, Максим бросился его встречать, а Майя на руках у бабушки заерзала, заулыбалась папе.

– Где ты был? – спросил сын, как обезьянка карабкаясь по папиной ноге.

– Я ездил в гости к маме, – ответил Игорь, слегка закусив губу. – Мы просто поговорили.

– Ты едешь к маме? – Макс аж задохнулся от возбуждения. – Я тоже хочу!

Игорь видел, как нахмурилось лицо Ирины Васильевны.

– И ты съездишь к ней обязательно. Когда будешь готов.

Наконец Игорь взял сына на руки. Максим был уже взрослым, пять лет, и на руках ему было даже неудобно. Но все же мальчишка вцепился в шею отца и не отпускал его. Игорь понимал, что ему нужно быть сильным для своих детей, чтобы они могли продолжать расти в этом мире. Он знал, что это будет трудно, но он обещал себе и своей жене, что будет делать все, что в его силах, чтобы защитить Максима и Майю от любых невзгод.

Утром тридцатого декабря в свете желтых фонарей Игорь тащил сына в сад, толкал коляску перед собой и бормотал «силы на двоих, силы на двоих». Максим шел молча, на вопросы отца отвечал неохотно или совсем их игнорировал. Впереди их ждали новогодние каникулы длиной больше недели, и мысли об этих каникулах нагоняли страху.

Воспитательница приняла мальчика одновременно с усталым и радостным выражением лица. И впервые обратилась к Игорю:

– Вы уже решили, как проведете каникулы? Максиму не помешало бы отвлечься, – у нее был мягкий голос и добрые глаза, но при этом мешки под глазами и опущенные уголки губ отталкивали.

– У нас немного вариантов, – кивнул Игорь на дочь, которая с любопытством рассматривала все вокруг и заглядывала каждому в лицо.

Наконец Ольга Константиновна переборола свое смущение и выбрала сторону воспитанника и достойное поведение педагога, а не смущенной школьницы, и заговорила о том, что ее беспокоило.

– Макс очень закрытый стал. Я знаю, у него большое горе, но он его никак не проявляет... То есть он не дерется, не плачет, не обращает внимание на других мам, но вы знаете... – она отвела взгляд, подбирая слова, – он играет все время один, перестал с кем-то дружить, делает все, что ему скажут, но как будто просто чтобы от него отстали... Мне сложно объяснить...

От волнения у девушки запылали щеки. «Чужая семья – потемки» и «не лезь не в свое дело» – главные установки молодой воспитательницы, а потому решение советовать психолога далось особенно сложно, а когда она начала приводить свое решение в действие, совсем растерялась и засмущалась.

– Я думаю, мальчику нужен специалист, но вы сами смотрите. Но, конечно, вы отец, вам виднее, – быстро прибавила она и скрылась за дверью.

По дороге домой ужасно давило в районе груди. Так неприятно, что воспитательница лезет в дела их семьи. Но ведь она права, надо что-то делать, Максим так сильно изменился со смерти Нелли. Игорь понял, что ему нужно что-то сделать, чтобы помочь своему старшему сыну, заняться с ним чем-то действительно приятным, ведь Новый год уже наступает, а это семейный праздник. Время веселья и подарков.

Игорь не хотел идти к психологу, как предложила Ольга Константиновна, вместо этого он решил, что лучшим вариантом будет сменить обстановку и увезти сына на новогодние праздники подальше из Москвы. Самым новогодним местом в России всегда был и остается Великий Устюг – родина Деда Мороза. Именно туда Игорь и решил отправиться на следующий же день после празднования Нового года, то есть второго января. Игорь заправил полный бак в автомобиле, забронировал номер в гостинице и договорился с Ириной Васильевной и Петром Сергеевичем, что они будут заботиться о его младшей дочери, пока он и старший сын будут в отъезде. Это решение дало ему надежду на лучшее, и он остался крайне доволен своим выбором.

В замечательном расположении духа он вышел на прогулку с коляской и покатил ее в сторону ближайшего сквера. Холодное зимнее солнце отражалось от снега и слепило глаза, на детской площадке резвились девочка лет трех и молодая девушка – скорее всего, мама, хотя, может быть, и няня. «Непонятно» – вынес вердикт Игорь, хотя ему понравилось, как они играют, и если бы позволяли правила приличия, он с удовольствием бы понаблюдал за ними, но вместо этого отвел взгляд и пошел дальше.

Новый год выдался более праздничным, чем ожидал кто-то из семьи. Праздничную обстановку больше всех поддерживал сын. После того как папа пообещал поездку вдвоем, Макс не мог взять себя в руки. Впервые со смерти мамы он говорил не останавливаясь, как радио, и теперь это так радовало Игоря, что совсем перестало раздражать. Из Нижнего Новгорода приехал старый приятель по факультету вместе с молодой женой. Детей у них пока еще не было, но по секрету приятель сообщил радостную новость: скоро он станет папой. Санек был из тех друзей, с кем Игорь мало общался, но при этом обязательно звал на любое мероприятие, будь то Новый год или день рождения. До самой полуночи Максим не спал – ждал боя курантов.

– Бабушка сказала, что когда куранты будут бить «бом-бом», я могу загадать что угодно, даже что Дед Мороз не сможет исполнить, куранты исполняют, – захлебываясь, выпалил Максим уже перед самой речью президента.

– И что же ты загадаешь? – спросила неприметная жена Санька, чей живот пока был таким же плоским, как грудь и попа, но которая очень хотела на вечер стать несчастному мальчику мамой. Только Максим этих поползновений не заметил и не оценил.

– Нельзя говорить: не сбудется, – как само собой разумеющееся ответил мальчик и посмотрел на гостью как на круглую дуру. И именно такой и запомнил.

Когда били куранты, Максим зажмурил глаза и залпом выпил весь лимонад в фужере. Пока делал большие глотки, он представлял себе, как мама снова его обнимает, целует перед сном, как она приходит за ним в детский сад и все видят, какая она красивая.

«Хочу, чтобы мама вернулась».

Желание Игоря совпало с желанием сына. Конечно, он не верил в куранты и их чудодейственную силу. И все же не смог сдержать поток мыслей. Он давно хотел, чтобы Нелли посетила его во сне. Хотя бы разок увидеть любимую женщину.

«Хочу увидеть тебя снова».

Глава 5

Отец и сын ехали в машине уже пять часов. Выехали они ранним утром, с вечера еще передав Майю с рук на руки бабушке с дедушкой. Максим вел себя довольно сносно, правда со сносской на игры в планшете.

– Максим, перерыв в играх на пятнадцать минут, – сказал Игорь добродушно и потянулся за планшетом.

– Хорошо.

Тон Максима был тем характерным тоном детей, который можно расшифровать как «да-да, я сделаю, как ты скажешь, но если тебе интересно мое мнение, то еще пять минуточек не сделают ничего плохого».

– А у Деда Мороза шуба будет красная или синяя? – спросил после недолгого молчания Максим.

– Не знаю... Может, белая? Смотри, как в этом году постарался: все белым-бело.

– А к Майе Дед Мороз не пришел... Она противная девчонка, вот и осталась без подарка.

– Майя не противная. Она просто маленькая. Ты, когда маленький был, кричал еще похлеще! – Игорь деланно засмеялся, но это сработало.

– Правда? Как Майя?

– Да! Вот так: а-а-а-а-а!

И Игорь соорудил смешную кривую рожицу. Максим его поддержал и стал тоже кривляться. В машине зазвенел смех, отец и сын нашли первую точку соприкосновения в этом путешествии.

Дорога из Москвы до Великого Устюга неблизкая и заняла у Игоря пятнадцать часов со всеми остановками. Приехали они поздно, вымотанные и уставшие. Номер им достался большой, улучшенный, потому что все простые номера разобрали задолго до праздников.

– Вам еще повезло, что люди отказались от брони, обычно за два месяца все забронировано на все праздники, – ехидно заметила девушка на стойке регистрации.

Максим стоял рядом и держал отца за руку. Он приподнялся на носочки, взглянул на девушку и улыбнулся ей. Но не поздоровался, застенялся и уткнулся в папину ногу.

– Да мы вообще везунчики, разве не заметно? – беззлобно парировал Игорь и прижал сына к себе поближе.

Утром, когда Максим с папой вышел из гостиницы и увидел город, сердце его замерло от восторга. Мальчику казалось, что такой красоты, такого снега и так много льда он никогда не видел. Везде, куда бы он ни посмотрел, были заснеженные улицы, озерца, реки и леса. Максим и его отец начали свое путешествие с самого интересного и захватывающего пункта – посещения резиденции Деда Мороза.

Когда они зашли в здание, Максим был поражен масштабом и красотой декораций. Он увидел гигантские снежинки, деревья, на ветках которых вместо яблок висели подарки, и многочисленные светящиеся гирлянды, которые казались ему магическими.

Но самым захватывающим моментом было представление, которое состоялось на сцене резиденции. Максим смотрел на магические иллюзии и удивлялся тому, как такое возможно. Он смотрел, как акробаты исполняли акробатические невероятные трюки, как танцоры умело двигались под музыку. А когда напряжение достигло своего предела, появился и сам Дед Мороз. В белом тулупе. Дед Мороз морозил ребят своим посохом, рассказывал истории и пожелал Максиму счастливого Нового года, вручив ему самый сладкий на свете подарок.

После представления Максим чувствовал себя таким возбужденным, что не мог устоять на месте. Он подпрыгивал, тербил подарок, снимал и надевал перчатки.

Вдруг в толпе людей мелькнуло знакомое женское лицо. «Мама!» – хотел крикнуть Максим, но в горле вдруг застрял комок, во рту пересохло. Лицо исчезло так же быстро, как и появилось.

– Макси-и-им! – гаркнул папа.

– А?! – ребенок подпрыгнул на месте от неожиданности.

– Ты в каких облаках витаешь? Идем!

– Прости... Пап, а можно какао?

Максим чувствовал, что папа слишком сильно сжимает его руку. Видел, как папа кусает губы. Он и сам не знал, зачем ему это какао. Он его и не хотел.

– Можно, – папа сделал пару глубоких вдохов и на выдохе ответил.

Максим совсем расслабился, когда увидел, что папа тоже взял себе кружку горячего напитка. Щеки кусал мороз, нос трещал от холода, но вкус теплого какао был невероятным, и тепло, разливаясь по телу, поднимало настроение.

– Прогуляемся? – предложил папа.

И они пошли по заснеженным улочкам, зашли на центральный каток и еще целый час ходили вдоль бортиков на коньках. Максим несколько раз сильно упал, когда в толпе катающихся увидел фигуру мамы и помчался за ней. Как бы больно после падения ни было, Максим старался не плакать и терпеть, сколько было сил, только бы папа не ругался. А папа и не ругался. Он сам еле держался на коньках, падал и хохотал. А иногда, когда падал, говорил плохие слова, не слишком громко, но Макс все равно его слышал.

Голодные и уставшие, Максим и Игорь вернулись вечером в гостиницу. Когда они шли по коридору, Максим вдруг заметил, как в лифте мелькнуло лицо мамы. Он хотел было побежать к ней, но двери уже сомкнулись и лифт уехал.

«Это такая игра. Мама играет» – решил ребенок своим детским непосредственным разумом и принял правила игры. Он не знал, откуда их знает, но знал, что по правилам нельзя папе рассказывать, что он видит маму. Иначе мама перестанет с ним играть. Идти в ресторан на ужин не хотелось ни ребенку, ни взрослому, и они заказали пиццу в номер. Забравшись под теплые одеяла, отец и сын смотрели мультфильмы. Один за другим, целый марафон мультфильмов! Максим чувствовал, что это один из лучших вечеров в его жизни. Если бы, конечно, мама была рядом. Но она и была... почти. Он вспомнил лицо, мелькнувшее в резиденции Деда Мороза и на катке. Да, точно, мама там была.

Максим заулыбался.

Пиццы было много, очередной мультфильм только начался, а папа разрешил пить газировки столько, сколько хочется. Очень хотелось, чтобы этот день и этот вечер не кончались никогда, но глаза смыкались, пробелы между сценами в мультфильме становились все больше. И наконец Максим совсем уснул...

А ранним утром следующего дня Игорь закинул чемоданы в машину, пристегнул сына к детскому креслу, и они покатались по знакомой уже дороге назад.

«Да уж, надо в следующий раз ехать на подольше, такая дорога тяжелая и одного дня недостаточно... Зато как развеялись. Мне и самому понравилось» – удовлетворенно думал Игорь, слушая музыку и внимательно глядя на дорогу.

Полотно асфальта спряталось под плотным слоем снега, и машину удерживала глубокая колея, по которой надо было ехать с максимальной осторожностью. И все же дорога домой всегда легче, всегда быстрее. Дом манит своим теплом и уютом.

Когда они зашли в квартиру, Игорь вдохнул знакомые, такие родные запахи и ощутил внутри живота что-то приятное, что-то, что можно было бы назвать чувством радости. И ощутил легкую, светлую тоску. Ему показалось, что за эти несколько дней он сильно соскучился по дочке.

На следующее утро бабушка и дедушка пришли в гости. Они не только вернули внучку, но и принесли Максиму еще один подарок.

– Бабушка, смотри, что мне Дед Мороз подарил! – Максим звонко рассказывал о поездке, о незначительных для взрослых мелочах.

В то время как Максим весело болтал с бабушкой о своих приключениях, случайно упоминание о маме вызвало неожиданную и сильную бурю эмоций. Всплеск горя и тоски охватил его, и Максим начал заплаканно кричать:

– Мама! Мне так нехорошо без мамы! Я ее очень скучаю!

Игорь думал, что сын счастлив видеть бабушку и дедушку, счастлив получить очередной подарок, что с задачей развеселить сына он справился. Но эта неожиданная реакция на разговор о маме ошарашила всю семью. Игорь подошел к сыну, обнял, попытался успокоить. Никакие слова еще долго не доходили до Максима, но ни одна истерика не может длиться вечно, и через время Максим успокоился.

Каникулы, которые начались так звонко в Устюге, продолжились морозными прогулками в Москве, и то, чего так боялся Игорь – сойти с ума наедине с двумя детьми, – не произошло. Они часто выходили на площадку рядом с домом, и там Максим играл с ребятами, часто встречал одноклассников из детского сада, с которыми весело играл, и совсем перестал стесняться ребят своего возраста. Игорь видел в этом успехи после поездки в Устюг. Там же часто гуляла та девушка, которая была с девочкой в ту памятную прогулку перед Новым годом. Она часто затевала игры сразу с несколькими ребятами и сильно увлекалась, а Игорю нравилось за ней наблюдать. Девочка, с которой она гуляла, была совсем на нее не похожа: кудрявые светлые волосы малышки, выбивающиеся из-под шапки, сильно контрастировали с прямыми черными волосами, а круглые голубые глаза явно не имели ничего общего с азиатским разрезом у старшей девушки, и мужчина сделал вывод, что это няня.

Игорь старался вести себя бодро и находиться в хорошем настроении во время всех праздничных дней. Но усталость от бессонных ночей давала о себе знать.

Однажды, очередной ночью, он проснулся от шума, который доносился из комнаты Максима. Он сразу понял, что не спят оба ребенка, Майя еще не рыдала во весь голос, но кряхтела и хныкала. Ее опять беспокоили колики.

В комнате Максима не было, Игорь нашел его у Майи. Сын ласково гладил сестренку по голове и напевал мелодию колыбельной. Но малышка все равно продолжала плакать.

– Максим, ты почему не спишь?

– Я беспокоюсь о Майе, папа. Ей опять плохо, она не может заснуть, – ответил Максим.

Игорь ощутил тепло и гордость за своего старшего сына.

– Спасибо тебе, сынок, большое. Можешь идти дальше спать, я уложу Майю.

– Тебе все равно идти вниз за смесью, – ответил Максим, не отрывая глаз от сестры.

– Да, ты прав. Посидишь еще немного с ней?

Максим кивнул. А когда вернулся, то картина его потрясла еще больше. Ничего не изменилось, Максим так же терпеливо пытался успокоить сестру. И от этого терпения, от этой заботы и любви брата к сестре у Игоря в душе потеплело.

Как и в остальные ночи, Майя еще долго не могла уснуть. А когда наконец Игорь смог переложить ее в кроватку, то увидел, что Максим уснул не у себя в комнате, а в спальне Игоря. Стоило отцу забраться под одеяло, мальчик тут же проснулся.

– Папа, давай и тебя я уложу?

Сон быстро слетел с глаз Максима, он накрыл отца одеялом. Игорь обнял сына и поблагодарил его. Он гордился сыном и от этого чувствовал себя гораздо лучше. И пусть уже через

два часа младшая дочь проснется, пусть он в очередной раз не выспится. Но он знает, ради чего и для чего это все. Для них, для детей. Чтобы они росли в любви и заботе.

Глава 6

Игорь, Максим и двухмесячная Майя по дворам возвращались с прогулки на детской площадке. Был первый рабочий день после праздников. Максим бегал и носился вокруг отца и коляски, выскакивал с тротуара на проезжую часть, прятался за припаркованными машинами. Игорь чувствовал себя очень уставшим, он в полглаза следил за Максимом, а сам думал, что впереди ждет очередная бессонная ночь.

«Дам ей перед сном капель от живота, заранее, может, сработает...» – вяло думал Игорь.

Внезапно он услышал звук машины, которая проезжала через дворы слишком резко. В тот момент, когда он обернулся, чтобы убедиться, что со всеми его детьми все в порядке, он увидел, что машина едва не наехала на Максима. Игорь быстро подбежал к сыну, оттащил подальше на тротуар и крепко обнял. Машина уже скрылась за поворотом. Хотелось кричать на сына, ругать, что он чуть не бросился под колеса, но не было сил. И Игорь понимал, что Максим всегда себя так ведет. Но обычно Игорь внимательно за ним следил. А сегодня слишком устал.

Это происшествие открыло глаза Игорю на то, как сильно он устал, и что его невнимательность может быть чревата последствиями. Он осознал, что нужно что-то сделать, чтобы хотя бы немного отдохнуть, поспать без перерывов на кормление, качание и переодевание подгузников. Тогда он сможет обеспечить своим детям хотя бы безопасность.

Игорь быстро принял решение отдать Майю бабушке на несколько дней. Девочка уже к ней привязалась, легко шла к бабушке на руки, и Игорь не видел другого варианта.

Он не поленился собрать целый чемодан вещей для дочери: от подгузников и пеленок до любимой игрушки и влажных салфеток запасом на год. На всякий случай он положил бы и всю комнатку дочки, но комната не помещалась в небольшой чемоданчик. Только бы не случился форс-мажор, из-за которого им бы пришлось возвращаться.

И вот Максим собран и отдан в детский сад, дочь надежно привязана ремнями безопасности к автолюльке, а у Игоря впервые за долгое время в голове чуть не ангелы поют от радости. Столько он всего успеет сделать за эти несколько дней: и поспать вволю, и поработать, и дома убратся. Может быть, даже успеет соскучиться по дочери.

Ирина Васильевна и Петр Сергеевич за пару месяцев сильно постарели: появились очень глубокие морщины, тесть поседел окончательно, тещины щеки сильно опустились вниз. С появлением внучки в их квартире поднялся настоящий бедлам – точно в первый раз видели. Игорю это понравилось. Он всегда видел, с какой любовью они относились к единственной дочери и ее сыну, как нежно ждали внучку, и сейчас их помощь оказалась неоценимо важна. Игорь был на грани. Несмотря на все то, что они и без того делали почти каждый день: гуляли с коляской или забирали внука ночевать к себе, нередко случалось Ирине Васильевне перестирать и гору одежды, скопившуюся всего за несколько дней.

И вот, несмотря на хмурое январское небо, серые дома вдоль Ленинского проспекта, Игорь ехал и даже подпевал песенке про боль-любовь-смогу-переживу с задорным, не под стать словам мотивом.

Окна в квартире пропускали рассеянный свет, и дом казался светлее, чем в самый ясный день праздников. Игорь увидел пятна засохшей овсянки на фасаде кухни, темные следы пальцев на холодильнике, зрение будто обострилось, и мужчина принялся приводить жилище в божеский вид. Он поторапливал себя, ведь впереди еще заказ. Очень выгодный, очень интересный.

Игорь взглянул на свои руки, уставшие от уборки квартиры. Предстояло еще отмыть холодильник и газовую плиту. Пока он наводил чистоту, он отпустил свои мысли в свободное плавание. Сначала ему было больно вспоминать эти два месяца, что он провел без жены, один с

пяtilетним сыном и новорожденной дочерью. Но потом он начал хвалить себя. Ведь, несмотря на все тяготы, он справлялся самостоятельно, хотя дети требовали много внимания и заботы. Он прикладывал столько усилий, чтобы укрепить связь с детьми. Не всегда все получалось идеально, но получалось ведь. Поездка в Устюг – один из ярких примеров того, как сильно Игорь старается.

Он вспомнил о своих стараниях быть хорошим отцом, когда Нелли была жива. Кажется, был месяц седьмой ее беременности. Ее живот так округлился, стали хорошо чувствоваться пинки не рожденной малышки. Тогда жена потащила его на фотосессию – Игорь улыбнулся воспоминаниям – он совсем не хотел тогда фотографироваться. Просто не понимал, зачем это нужно, но при этом хотел порадовать жену и только поэтому согласился. И теперь он может рассматривать счастливое лицо Нелли, обхватывающей живот. Все-таки хорошо... хорошо, что он тогда согласился. Может, и сейчас все, что происходит, даст какой-то хороший результат в будущем? Может быть, это все не просто так? Может, это помогает ему расти, становиться сильнее? Может, это сделает его действительно хорошим отцом в будущем. А пока он будет стараться. Стараться изо всех сил. Так же сильно, как он сейчас старается вывести пятно на газовой плите.

Внезапно он вспомнил вчерашний инцидент во дворе, когда машина проехала очень близко к его сыну. Он не заметил ее, потому что был слишком уставшим и рассеянным. Как бы он ни старался, он все еще был недостаточно хорошим отцом своим детям, ведь он подверг сына смертельной опасности. По спине снова пробежал холодок от предательской мысли: «А если бы...» Он так разозлился на себя за свою безалаберность, что с особой жестокостью выбивал пыль из коврика на балконе.

«Я обязательно буду больше отдыхать, как только закончу проект» – пообещал себе он.

Когда закончил, Игорь смотрел на чистую кухню с невероятным чувством удовлетворения. Конечно, он не убрался так, как убралась бы жена, он оставил и пыльные углы, и часть вещей просто запихнул в шкаф, не пытаясь найти им более практичное место. Но квартира теперь сияла, а силы оставались еще и на работу. Игорь закрыл дверь в кабинет и погрузился в сложный и ужасно интересный проект с головой.

В отличном настроении он забрал сына и задорно подмигнул воспитательнице на ее замечание о поведении мальчика:

– Мальчишки озорничают всю жизнь, а детский сад – только начало, – и отправился помогать сыну натягивать дутые непромокаемые ботинки.

– Пап, а давай зайдем на площадку, – Максим быстро оценил обстановку и смекнул, что надо срочно использовать момент, пока папа добрый, улыбается и даже заступился за него перед воспитательницей. Но ему не повезло: папа был добрым, но не слепым и не глухим.

– Твое поведение сегодня было отвратительным, думаешь, ты заслужил площадку? – Игорь смотрел на мальчика серьезными, но ясными глазами.

– Не заслужил, – промямлил мальчик так картаво, что получилось «жашлушил».

Но несмотря на то, что Игорь отказал сыну в радости порезвиться с друзьями на горках и качелях, с которых в комбинезоне все равно попа скользила и кататься было невозможно, мужчина и не собирался как-то наказывать мальчика.

– Пойдем в кафе? Я куплю тебе огромную кружку какао, как ты любишь.

– Да! Да! Хочу! Хочу! – Максим запрыгал на месте, и они направились в сторону местной пекарни. Сын забежал вперед, и Игорь следовал за ним, счастливый, что смог найти компромиссное решение. Они прошли в кафе-пекарню и нашли уютный столик в углу.

– Что-нибудь кроме какао, сынок? – спросил Игорь, улыбаясь.

– А можно я сам выберу, вон там? – Максим указал на прилавок, где за стеклом красовались золотистыми боками булки и ватрушки самых разных форм и размеров.

– Иди, выбирай.

Максим тут же соскочил с места и ткнул пальцем в булку, свернутую улиткой и пропитанную кремом. Он явно давно ее присмотрел.

Игорь взял и себе какао, чтобы разделить эмоции сына. Они наслаждались вкусом и теплом напитка, обсуждали машинки и любимые игрушки Макса.

– Папа, а давай дома поиграем в лего? – предложил сын, зачем-то размахивая руками.

– Да, давай, – согласился Игорь.

Они вернулись домой и вместе построили дом из деталек лего, сделали зеленую лужайку перед этим домиком и дорогу, чтобы машинки могли ездить. Вечер был наполнен радостью и теплом. До момента, пока Максим не попросил отца:

– Пап, пусть Майя навсегда останется у бабушки и дедушки? Она драконша, я не хочу ее видеть.

– Не говори так, она твоя сестра!

– Она драконша, я не люблю ее.

– Она твоя сестра! Ты обязан ее любить! И точка!

Игорь взглянул на часы.

– Уже поздно. Иди умывайся и ложись спать.

Хоть папа и запретил Максиму желать Майе навсегда остаться у бабушки с дедушкой, но эти мысли калейдоскопом крутились в голове мальчика, когда он укладывался спать. Мальчик был даже готов пожертвовать бабушкой ради счастья быть единственным сыном для папы. Но вот пришло время закрывать глаза, и он отбросил все лишние мысли из головы. Он лежал в кровати и сжимал в руках плюшевого медведя, свою любимую игрушку. Любимую, потому что его подарила мама. Он чувствовал внутри себя, где-то в животе, как его наполняет грусть и тоска. Он скучал по маме, которая ушла в небо, к врачам в белых халатах и с нимбами над головами. Но сегодня, он знал, она будет рядом. Он приготовился.

В комнату зашла молчаливая мама, тихая и нежная, погладила его по волосам. Максиму сразу стало хорошо, тепло и спокойно. Мама улыбнулась так, как всегда улыбалась ему перед сном. Она поцеловала его в макушку и уже собиралась уходить, когда Максим впервые решился с ней заговорить:

– Мама, я не хочу, чтобы Майя возвращалась.

Мама молчала. Она стояла в дверях и очень ласково ему отвечала улыбкой. Но Максим понял: мама с ним согласна! И даже больше: он понял, что если Майя никогда не вернется, то мама снова будет рядом и теперь уже никогда и никуда не уйдет. Она всегда будет рядом, будет любить его и заботиться о нем. Только о нем.

Послышались шаги по лестнице, и в комнату заглянул папа.

– Ты меня звал? – глаза немного обеспокоенные, все штаны в мокрых пятнах – мыл посуду.

Максим понимал, что папа его не поймет, осудит и даже накажет, если ему рассказать о маме и о том, что сестре ну никак нельзя возвращаться к ним домой, что так надо для возвращения мамы. Поэтому мальчик энергично помотал головой и пожелал спокойной ночи папе.

Игорь тем временем успокоился, оттого что он провел с сыном очень хороший вечер, и не стал впускать в сознание тревожность за Максима. Хватит ему тревожиться. Он заслужил отдых. И Игорь достал из верхнего ящика, где хранился алкоголь, бутылочку початого дорожного коньяка – хорошее вознаграждение за тяжелые месяцы работы и достойное окончание чудесного и продуктивного дня. Он открыл эту бутылку уже больше полугода назад, но почти ничего из нее не выпил. Правда, и теперь выпить много у Игоря не получилось: буквально пара смачных глотков из коньячного бокала, и он отключился прямо на диване в гостиной.

Лишь спустя сорок минут он стоял перед дверью группы, за которой было непривычно тихо. Дверь перемещалась в пространстве по одной ей известной траектории – то слева направо и вверх, то справа налево и вниз, описывая полукруги и восьмерки бесконечности.

Дверь открылась в момент, когда Игорь занес в очередной раз кулак, чтобы продолжить стучать, и не в силах остановить руку, которая уже летела по траектории, он опустил ее с силой на лоб воспитательницы. «Достучался до воспитательницы» – лениво проползли пьяные мысли, и он рассмеялся. Ольга Константиновна веселья не разделяла. Она заверещала, словно сирена: «Да вы пьяны! Я с утра поняла, что с вами что-то не так! Охрана! Охрана!» На вопли воспитательницы прибежал охранник – старенький мужчинка, который выполнял скорее обязанности дворника – и сын. Максим замер в нескольких шагах за спиной Ольги Константиновны в нерешительности.

– Макс! Идем домой! – скомандовал Игорь, но сын колебался. Вместо него активно действовала воспитательница.

– Он никуда с вами в таком состоянии не пойдет! Я вызываю органы опеки!

В это время охранник оценил ситуацию и начал выпроваживать шумного родителя к выходу. На его несчастье, Игорь был на три головы выше и в два раза шире. И несмотря на то, что Игорь с трудом стоял на ногах, заставить его оказаться по ту сторону входной двери оказалось очень трудной задачей. Но мужчинка не растерялся, используя перебранку воспитательницы и Игоря, вызвал полицию и снова стал активно выпроваживать на улицу папашку. Воспитательница, как выяснилось, была человеком слова, и «я вызываю органы опеки» были не пустой угрозой. Все разрешилось гораздо быстрее, чем принято ожидать от таких служб. Полиция подъехала, скрутила Игоря и уволокла в «Ладу-Ларгус», а за Максимом приехала красивая и ухоженная женщина в юбке-карандаше и горчичного цвета пальто буквально следом за полицией.

– Я на автомобиле, нечего нам с вами толкаться, – сказала она холодно молодому парню в форме.

– Вы знаете, где отделение? Куда ехать?

– Знаю, езжайте. Я пока поговорю с воспитательницей. Мы приедем чуть позже.

Игорь видел из окна автомобиля, как она спускалась по лестнице, степенная и строгая, держа за руку зарезанного Максима. В этот момент он протрезвел. Сразу и полностью. Его надпочечники выбросили такую дозу адреналина, что каждая молекула C_2H_5OH в его организме была в считанные секунды инактивирована. Мозг стал активно генерировать разные варианты, как быстро исправить ситуацию. Может, раскидать этих молодых пацанов да убежать за сыном? Тогда точно беды не миновать. Может, договориться? Да разве поймут эти бритоголовые, каково это: два месяца недосыпа, один срыв и одна мертвая жена?

– Можно обратиться? – Игорь все-таки решился предпринять хоть что-то, пока они ехали в сторону отделения полиции.

Они переглянулись, и один из них – тот, который сидел на пассажирском сиденье – ответил довольно спокойно.

– Ну попробуй, – ответил тот, что был помоложе. У него был высокий голос классического гопника из Бутово или Купчино начала нулевых.

– Я никогда не был в таких ситуациях, в отделении полиции был всего однажды, когда писал заявление на угон автомобиля. Что будет? И что нужно сделать и как сделать правильно, чтобы поскорее выйти или хотя бы не продлить свое время пребывания в... как правильно-то сказать? В обезьяннике?

Полицейские переглянулись снова. Они были молоды, но видели уже достаточно, чтобы не раскисать и не размякать даже от самых интеллигентных попаданцев. Совершил проступок – отвечай. И большинство всегда предлагали взятки, угрожали и искали способы на ощупь

в поисках обхода ответственности. Этот спрашивал «как сделать правильно» и «что нужно, чтобы не продлить», а ведь это совсем иная категория.

– Отвезем тебя в участок, настроим протокол еще один и посмотрим, что дальше. За пьянство у нас до 15 суток, а то, что ты кипеж поднял и дрался, так это вообще мелкое хулиганство. Эта еще мадам пригонит, будет тебя мурыжить, судить-рядить, отдать тебе пацана или забирать его. У них свои порядки, я не сильно в курсе.

– Понятно...

И Игорь замолчал. Положение было – хуже не придумаешь. Надо связываться с тестем и подключать его к тому, чтобы забрать сына из рук, как выразился лейтенант, «мадам».

Может, они все-таки решили сначала связаться с бабушкой и дедушкой? Воспитательница-то должна хорошо знать Ирину Васильевну, столько раз она приходила за внуком по вечерам и приводила его по утрам... Но ведь он сам видел, как работница соцслужб спускалась с Максимом за руку. А вдруг Максима у него отберут и отдадут в детский дом?

Мысли прервала остановка. Они приехали. Полицейский участок оказался весьма плачевным зрелищем. Таким, как и представлял себе Игорь: советские панели-бордюры на стенах, а выше разные плакаты, доска с лицами «розыск», окошко с дежурным. Клетка-обезьянник была в другом помещении, и Игорь пока ее не заметил. С него сняли наручники и отвели в комнату, где стояли две парты, приставленные друг к другу. С одной стороны уселся молодой парень в форме, тот, что ехал на пассажирском сиденье. Он наконец представился – старший лейтенант Хлебин Кирилл Григорьевич – и стал расспрашивать, что произошло и составлять протокол.

– А с чего начать-то? Если сначала, то началось все в ноябре...

– С ноября прикладываешься? – брови старшего лейтенанта взмыли так высоко, что почти переманили внимание допрашиваемого.

– Да нет, в ноябре умерла жена... – и Игорь начал рассказывать свою историю, а старлей не стал перебивать. Ему самому было интересно, ведь мужик казался нормальным, адекватным и даже совсем не пьяным. Что ж он в саду устроил?

Когда Игорь закончил, товарищ Хлебин вернул самообладание, вписал в протокол все, что необходимо, и ушел в другую комнату. Вернулся с коллегой и мадам в горчичном пальто. Ее карие глаза обжигали осуждением, сканировали не хуже рентгеновского аппарата. Она довольно долго смотрела на него и молчала. Игорь тоже не отваживался заговорить, даже глаза опустил под ее взглядом. Он думал, что она оценивает его как отца, пришедшего за сыном в пьяном виде. Часто он выпивает? Бьет детей? Где сейчас второй ребенок? Он задавал сам себе эти вопросы и гадал, какие из них проносятся в голове у этой строгой женщины. На ней была белая рубашка, очки хоть и не с толстыми стеклами, но в толстой оправе. Волосы, когда-то выпрямленные утюжком, начали завиваться у лица и выбились из тугого хвоста.

– Меня зовут Тамара и я буду заниматься вашим делом, – женщина по-деловому представилась, смахнула пылинку со своей юбки и продолжила. – У Максима есть родственники, у которых он может пожить, пока мы с вами разбираемся?

Игорь кивнул.

– Я так понимаю, есть еще ребенок?

Игорь снова кивнул.

– И он сейчас у этих же родственников?

Игорь кивнул в третий раз.

Женщина взяла со стола протокол, пробежалась глазами и задала следующий вопрос:

– Вы здесь уже не в первый раз, да?

Игорь отчаянно замотал головой и в первый раз в ее присутствии заговорил:

– Нет, я раньше не бывал в полиции, ни нарушителем, ни... ну понимаете, жаловаться тоже не приходилось.

В ответ Игорь получил быстрый колючий взгляд.

– Как зовут родственников, которые могут взять Максима?

– Петр Сергеевич и Ирина Васильевна. Это родители Нелли, жены моей...

– Покойной.

Игорь не ответил. Его словно пригвоздило к неудобному стулу. Тамара, выждав театральную паузу, продолжила.

– Мы уже вызвали родственников, бабушка скоро приедет и заберет Максима. Вы завтра придете ко мне, в соцзащиту, я выдам вам пакет документов, которые нужно собрать, чтобы мы дали разрешение на проживание детей с вами. Затем мы будем наблюдать за вами и оценивать то, насколько безопасно детям жить с отцом-алкоголиком. Плюс вам надо будет записаться к наркологу, в сообщество анонимных алкоголиков и принести мне справки. Понятно?

Игорь удрученно кивнул. Внутри он протестовал, хотел сказать ей с вызовом «я не алкоголик!», и это было чистой правдой. Но взгляд ее колючих глаз останавливал.

Тамара встала, с прямой спиной вышла из кабинета, не попрощавшись. Игорь увидел в коридоре бледное лицо Ирины Васильевны. Снова зашел Хлебин.

– Сегодня ночь у нас переконтуешься. Подумаешь, где же в этой жизни ты накосячил так, что оказался без жены, детей разобрали опека и родня, а сам сидишь в кутузке. Завтра с утра штраф заплатишь и вали на четыре стороны, – медленно, как в школе, с чувством, толком и расстановкой пояснил старший лейтенант Хлебин.

Глава 7

Максим съезжился на стуле. Злая тетенька в строгом костюме пугала его. Хотелось домой, к папе. Зря он тогда не пошел к нему, а стал прятаться за воспитательницей. Сейчас бы уже смотрел мультики или спал. Больше, чем домой к папе, хотелось домой к маме. Когда шел по коридору страшного места с названием «полиция», он видел, как мама вышла из одной двери и прошла в другую. Лицо ее было обеспокоенным, суровым, волнистые волосы колыхались при каждом шаге.

В какой-то момент про Максима будто бы все забыли. Но стоило только ему встать со стула, тут как тут нарисовалась Тамара, взяла его за плечо и защebetала своим строгим голосом, делая вид, что она добрая:

– Ты устал тут сидеть один? Хочешь, я тебе водички принесу?

И что-то еще, она говорила, не переставая.

– Вот там, – Максим указал на дверь, где секунду назад мелькнуло мамино лицо, – моя мама. Я хочу на нее посмотреть.

Тамара ничего не ответила, согласилась пройти. Мамы в той комнате не оказалось. Максим предполагал, что так и будет, мама уже не раз проделывала такой фокус дома, но он все равно надеялся, что уж в этот-то раз он ее поймает. Чтобы перевести внимание противной тетеньки в строгой юбке, Макс попросил воды и снова уселся на стул в коридоре.

Вдруг послышался какой-то шум, поднялось движение, в коридор ворвалась растрепанная бабушка. Она ухватила Максима в объятия, целовала его в лоб, щеки, нос, волосы и при этом пыталась спрашивать:

– Ну как ты? Испугался? Тебя обижали?

За спиной у бабушки со стаканом воды в руках стояла злая тетя. Максим вдруг жутко застеснялся, отстранился от бабушки.

– Да все нормально, ба...

Тамара кашлянула:

– Ирина Васильевна?

Бабушка обернулась, и взрослые затянули свой скучный взрослый разговор. Максим старался не слушать, но некоторые обрывки фраз не могли его не заинтересовать.

– Он категорически отказывается от помощи, когда мы предлагаем... иногда просит сам... Нет, никогда не злоупотреблял, но мы не видим, что происходит, пока нас нет... Мы так любим Максима... мне кажется, Максиму было бы лучше у нас... ой, дедушка, он вообще, знаете... конечно, все тяжело переживают смерть Неллечки... да что вы, идеальная семья была... только вот знаете, Майю-то, младшую, Нелли не хотела рожать, это Игорь ее заставил...

Тут Максим наострил уши и стал было слушать внимательно, но, к сожалению, взрослые ушли в отдельный кабинет, а за ним присматривать оставили какого-то дяденьку в форме. Какое-то время он молчал, но потом решил заговорить:

– Че, пацан, плохо себя вел в саду, да? – спросил он и прицокнул языком. – Вот мы тебя и забрали.

Значит, это правда! Если бы он вел себя хорошо, они с папой были бы дома! Если бы он пошел к папе, если бы не вредничал, то все было бы хорошо. Это он во всем виноват!

На глаза реками набежали слезы, Максим тут же зарыдал в голос.

– Эй, ты чего, я ж пошутил!

Но было слишком поздно. Тут же выскочили Тамара и бабушка, они стали успокаивать его и выяснять, что случилось.

А потом бабушка забрала его из этого ужасного места. Они ехали сегодня не на автобусе, а на такси. Бабушка много молчала, мало говорила и крепко обнимала Максима.

– Максим, не шуми пожалуйста, Майя спит, – сказала бабушка перед тем, как повернуть ключ в замке двери.

Дома у бабушки было очень тихо, в коридоре горел торшер, слабо освещая пространство вокруг себя. Встретил их обеспокоенный дедушка.

– Уже поздно, Петя. Давай я Максима уложу и потом расскажу тебе все в подробностях? – ответила бабушка, выразительно кивая головой на внука, при этом она странно таращила глаза, подмигивала и вообще вела себя странно.

Максим тут же запротестовал:

– Бабушка! Я не хочу спать!

– Уже поздно, внучек, надо быстро чистить зубы и ложиться. А то завтра в садик не встанешь.

– Но я не хочу в садик!

– Не спорь!

Максим эту битву со взрослыми, как и любую другую битву со взрослыми, проиграл. Бабушка рассеяно читала ему сказку и все время проверяла, не уснул ли он. Она торопилась, хотела поскорее пойти все рассказать дедушке. В конце концов она поцеловала его в лоб, сказала «спокойной ночи» и ушла.

Максим дождался, когда придет мама. Она села на краешек кровати и улыбнулась ему. Но глаза ее оставались серьезными и грустными. В отличие от бабушки, она никуда не спешила и была вся только его, Макса. Она гладила его по волосам и улыбалась, когда с кухни послышались громкие голоса. Мама вздрогнула, вскочила и ловко скрылась в темноте.

– Тише, Петя, Максим еще, может, не спит!

– Ира, надо детей забирать от него, – зашипел дедушка.

Максим встал с кровати и подошел к двери. Было страшно. Он сжимал в руке плюшевого зайца. Это, конечно, не любимая игрушка, но лучше, чем ничего.

– Он Нелли в могилу свел и детей угробит, я говорю тебе!

– Петя, что ты такое говоришь, Нелли ведь...

– Ира, как ты не понимаешь! Нелли вообще не хотела рожать, ты забыла, что ли? Этот козел виноват, что Нелли умерла!

Бабушка не отвечала.

– Я видеть его уже не могу. Нас с ним сейчас, по сути, связывают только внуки. Если опека встанет на нашу сторону, мы могли бы вообще его больше никогда не видеть. А внукам с нами лучше, сама посуди. Нас, в отличие от него, за пьянство полиция не забирает.

Максим вздрогнул. На его плечо опустилась теплая, нежная рука. Мама звала его в постель. Они легли вместе, мама гладила его по волосам и обнимала. Прикосновения ее были легкими и нежными, как перышко. Так он и уснул.

Игорь волчком крутился в душе под струями воды, смывая с себя запахи полицейского участка, вчерашнего позора и алкоголя. Отпустили его рано утром, еще до пересменки. Помимо штрафа Игорь накинул сверху еще по пять тысяч каждому за доброе отношение – в благодарность и доказательство своей невинности и финансовой состоятельности: вот, смотрите, я не бомж подзаборный, а вполне себе презентабельный мужчина. Пока ехал в такси, нашел контакты каждого сотрудника из социальной опеки. Нашел даже страницу в социальной сети той дамочки, что увезла сына из сада. Тамары. Игорь очень хорошо умел серфить в интернете, и то, на что у обычных людей уходил целый день за компьютером, Игорь решал за пятнадцать минут в браузере телефона. К моменту, когда таксист остановился около подъезда, Игорь уже успел поговорить со своим юристом и наметить план действий. Несмотря на весь вчерашний день, голова его была ясной, а мысли четкими, структурными. Ничего, что юрист сегодня не сможет приехать. Главное – не терять времени и взять правильный тон во время разговора

со всеми этими работниками опеки. Это было сложно, потому что он очень сильно злился. На всех, но особенно на воспитательницу! Почему воспитательница сразу службу опеки вызвала, а не позвонила бабушке и дедушке? Почему стала сразу вызывать полицию? Игорь швырнул полотенце в корзину для грязного белья и отправился одеваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.